

Культура —
1998. — 15-21
Окт. — с. 13

Прелести аутентизма

Оркестр XVIII века

Прежде чем открыть новый сезон, Петербургская филармония приоткрыла "Окно в Нидерланды" — в Большом зале в рамках одноименного фестиваля прошли два концерта "Оркестра XVIII века" под руководством Франса Брюггена. Правда, в век Просвещения петербуржцев пустили лишь ненадолго, исполнив наряду с оркестровой сюитой Рамо "Героическую симфонию" Бетховена и большую мендельсоновскую программу.

"Оркестр XVIII века" в России просто не могли не полюбить за редкую певучесть игры, за насыщенное глубокое звучание. Открыв гастроль "Гебридами" Мендельсона, а завершив исполненной на бис

пьесой Шуберта, Франс Брюгген раскрыл все особенности и все прелести аутентизма.

Во-первых, тембры. Сюита Рамо позволила оркестрантам представить практически весь инструментарий первой половины XVIII века, вплоть до волынки. Во-вторых, ритм. В "Героической" музыканты особо акцентировали дансантизм, а "Итальянскую симфонию" Мендельсона много украсили игрой длительностями, приближающая музыку к поэтической речи, и детальная фразировка. Этот подход придавал большую непосредственность исполнению Скрипичного концерта Мендельсона (солировал австрийский скрипач Томас Цее-

майр). Вторая часть — наибольшая удача "Оркестра XVIII века" — прозвучала необыкновенно тонко и одухотворенно.

И в-третьих, Цеемайр не боялся быть неверно понятым, полагая темп и форму не целью, а средством. Так же трактовал "Героическую симфонию" Брюгген, что вызвало сопротивление "неаутентистов". Поставив во главу угла неповторимость каждого эпизода, команда Брюггена непочтительно разбила большую форму. Следить за симфонией стало гораздо увлекательнее, хотя те, кто любит игру "на одном дыхании", вряд ли простят постоянные подвижки темпа, калейдоскоп рит-

мов и красок внутри частей симфонии.

Самое интересное то, что богатые исторические ассоциации, которые вызвала игра нидерландцев, были двоякими, одновременно направленными, что ли: в симфонии Бетховена можно было "разглядеть", с одной стороны, островки Глюка, с другой — Гуно и даже Мусоргского. Стоило замедлить темп и затемнить звучность — и в "морских" фигурациях самой знаменитой мендельсоновской увертюры "Гебриды" проступили черты "Золота Рейна" и "Валькирии"...

Анна БУЛЫЧЕВА
Санкт-Петербург